

Татьяна Герингас

В ПУТИ

Импресии



Татьяна Герингас
В пути. Импресии

«Алетейя»

2020

УДК 929:78
ББК 84(2Рос=Рус)6-4+85.31

Герингас Т.

В пути. Импресии / Т. Герингас — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-069-0

Уже четыре десятилетия пианистка Татьяна Герингас вместе с мужем Давидом Герингасом – знаменитым виолончелистом родом из Вильнюса – живёт в Германии. Свои воспоминания о молодости в Москве, эмиграции и перипетиях новой жизни автор назвала импресиями.

УДК 929:78

ББК 84(2Рос=Рус)6-4+85.31

ISBN 978-5-00165-069-0

© Герингас Т., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

О себе	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

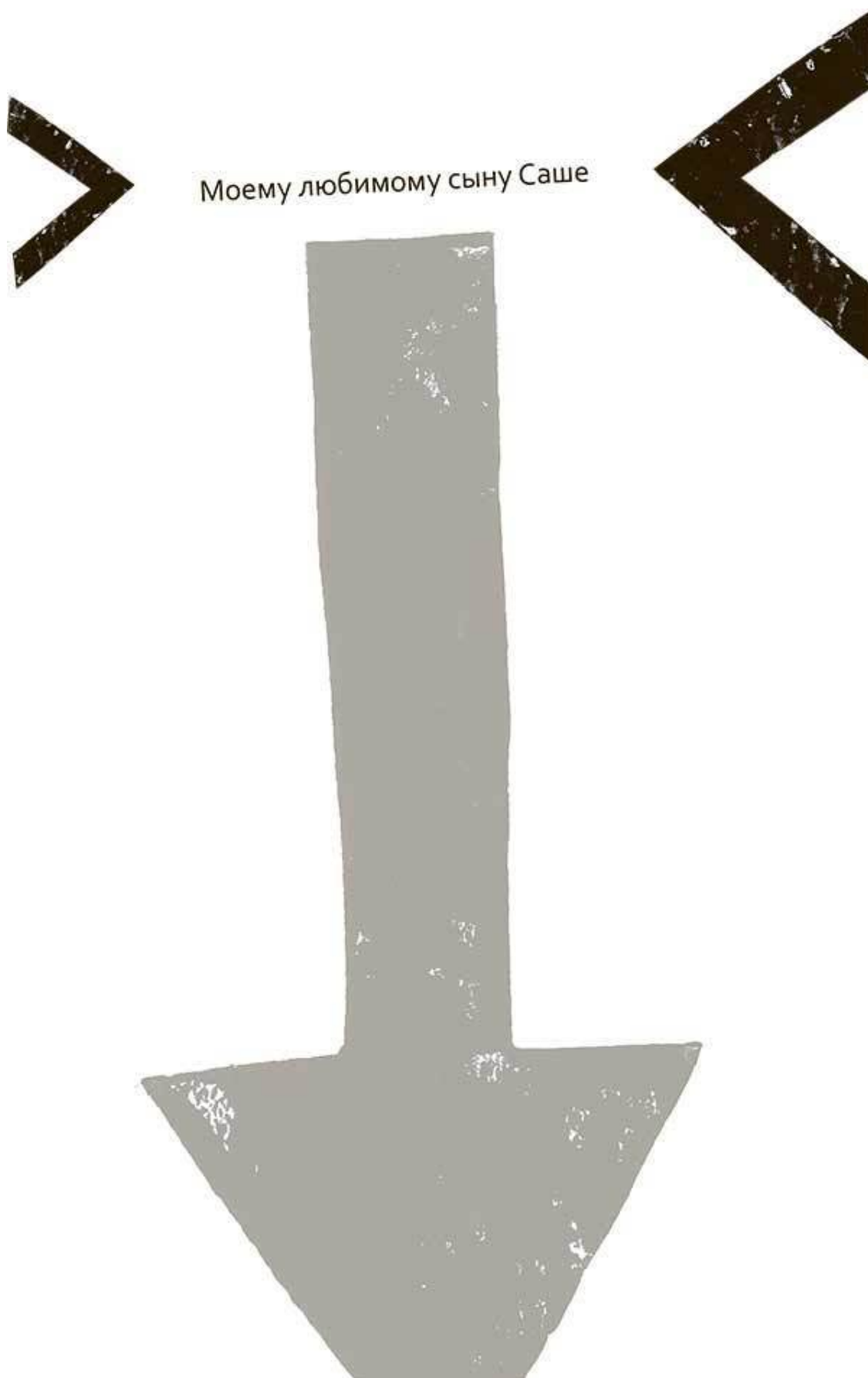
Татьяна Герингас
В пути
Импресии

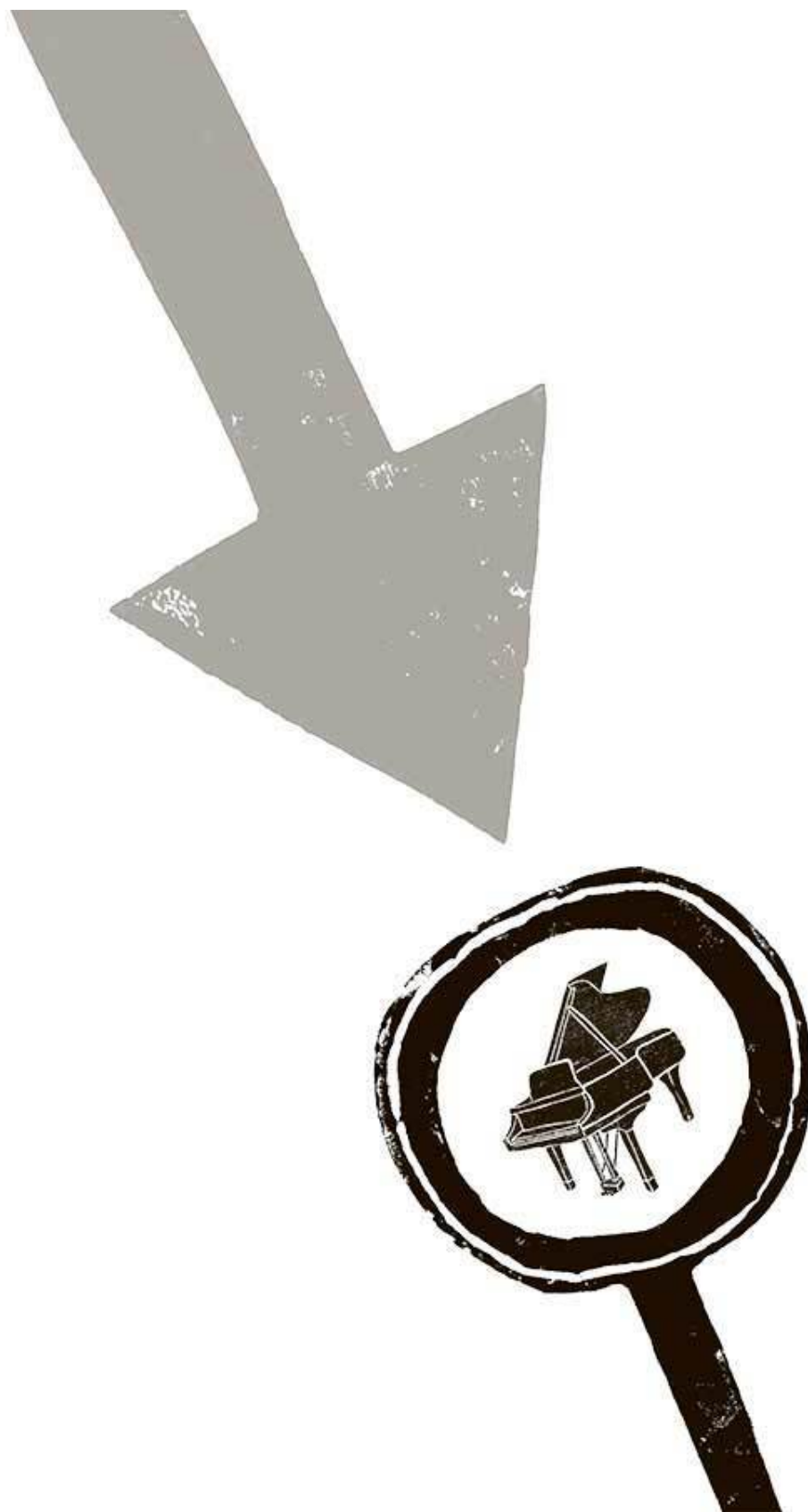
В книге использованы фотографии из семейного архива Татьяны и Давида Герингас
Иллюстрации и художественное оформление Кристины Норвилайте

© Т. Герингас, 2020

© К. Норвилайте, иллюстрации, художественное оформление, 2015

* * *





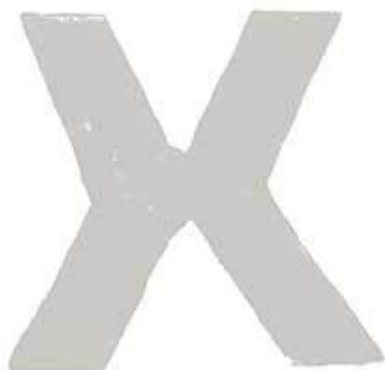
О себе

- ➔ Я – Герингас Татьяна, урождённая Шац.
Родилась в 1945 году, в Клину, Московская область.
- ➔ Папа – пианист, мама – старший кассир Большого театра.
В 1952 году поступила в общеобразовательную школу и параллельно в музыкальную.
- ➔ В 1964 году – поступила в консерваторию, в класс Генриха Нейгауза, после его смерти – Станислава Нейгауза.
- ➔ В 1967 году вышла замуж за Давида Герингаса.
- ➔ В 1971 году закончила консерваторию.
В 1971 году 2-го марта родился Сашенька.
В 1975 году – эмиграция.
- ➔ С 1976 года – в Гамбурге.
- ➔ С 2000 года – в Берлине.
В 2004 году – женитьба Саши и Катарины.
- ➔ В 2006 году – рождение внучки Полочки (Polly-Josephine).
- В 2008 году – рождение внучки Леечки (Lea-Matilda).
- ➔ С 2011 года дети в Америке.



Молодой лейтенант просит Додика открыть дипломатический чемоданчик, в котором сверху лежит долгоиграющая пластинка с его портретом в полный формат, спрашивает утверждающе «Это вы?!» и предлагает следовать за ним.

Длинный коридор приводит нас к выходу в самолёт. Симпатичный лейтенант пожимает нам руки и... желает счастливого пути...



А за два часа до этого, мы на аэродроме: мама, папа, сестра, загримированные друзья. Страшное напряжение, время подходит, разыгрывается драма: мама с рыданиями бросается на меня, потом на Сашу и Додика – прощаемся навсегда.

С подкошенными ногами и оборачиваясь, уходим в тёмное отверстие, откуда возврата нет...

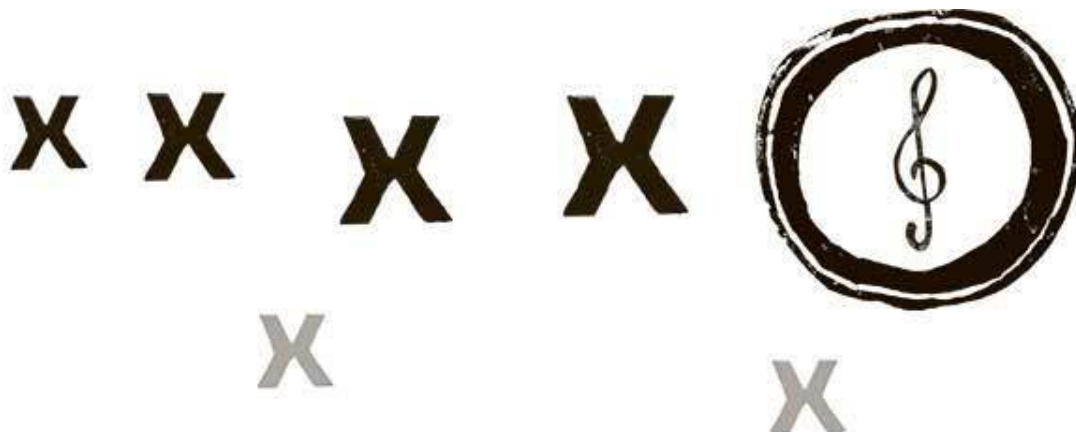
А за несколько дней до отъезда – суматоха, сборы, приезд и приход родственников, друзей и знакомых в нашу малюсенькую двухкомнатную квартирку на окраине Москвы, куда нас выселили из нашей коммуналки за два месяца до отъезда (о коммуналке расскажу позже) – все готовят, едят, разговаривают, перебивая друг друга, об эмиграции, кто кому что рассказал и посоветовал. До того увлекались, что забывали, зачем пришли.

Мои родители воспринимали наше решение болезненно: папа не хотел писать разрешение на наш выезд – эта процедура была тогда необходима. Он буквально сунул мне в руку подписанный им листок, буркнул: «Пишите, что хотите».

Своим отъездом мы лишали его ещё одной заграничной поездки (с ансамблем в Чехословакию), которая так или иначе была бы последней перед его пенсией. Мама же страдала от обид, наносимых ей бабками-коллегам по работе: «Ну что? Уезжают в Израиль? Родину свою предают?» В спор вступать было бессмысленно, да и небезопасно.

Родители Додика вели себя спокойнее, они мечтали отправить всех своих детей вон из этой страны, в которой их семья так натерпелась от антисемитизма. Впоследствии все дети, да и они сами эмигрировали, разлетевшись по белу свету.

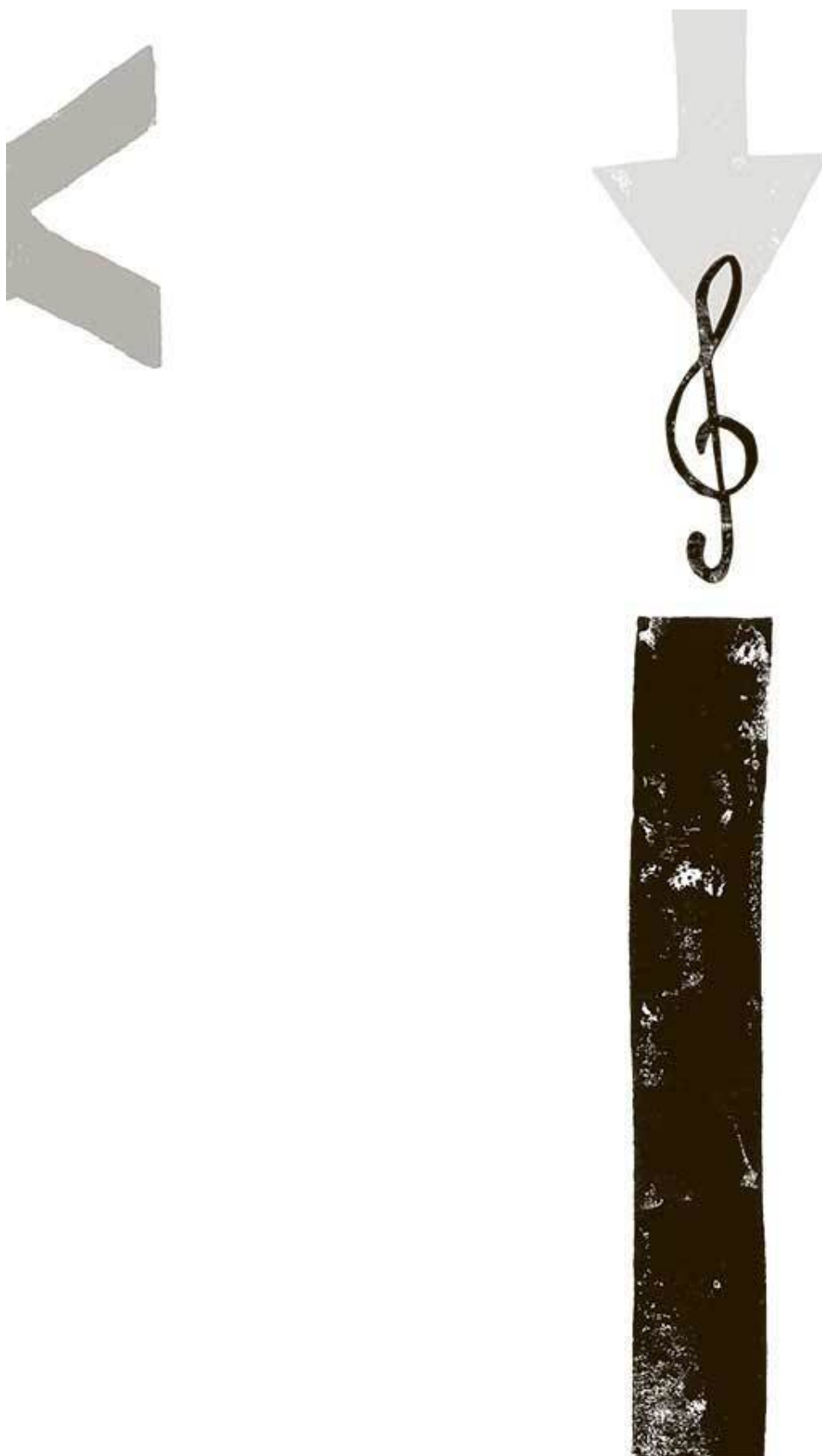
На полу стоят семь чемоданов, а в них – вся наша жизнь, её нужно везти в таможню для декларации. За день до отъезда Додик со своим папой поехали в аэропорт, отдали, как положено, чемоданы на проверку, и стали свидетелями безобразнейших сцен, как таможенники обращались с вещами отъезжающих и с ними самими: вдруг летели на пол бинокль или подзорная труба – «извините, упало!» – вещи, разрешённые властями для вывоза. Или выхватывали у детей из рук мягкие игрушки и вспарывали их у них на глазах, в поисках драгоценностей или чтобы просто поиздеваться.



Додик, вернувшись в шоке, заявил, что, если завтра при отлёте с Сашиной Хрюшкой поступят так же, – он их всех убьёт! И вот мы наконец в битком набитом самолёте: летим, голова горячая, напряжение неопишное, не разговариваем. Что нас ждёт? Ведь едем в никуда!

Сашенька смотрит в окно и пока занят Хрюшкой, но ведь придёт вечер, и он спросит: «А где бабушка?» Ведь он вырос с ней, а не с нами – мы уезжали на гастроли, целовали его в щёчку – «Пока, Сашенька!», возвращались домой, опять целовали: «Привет, Сашенька!» – вот такими были наши взаимоотношения. И задал он вопрос, и расплакался, и мы успокаивали его как могли, нервозно, неумело и нетерпеливо.

Придётся многому научиться, оставшись втроём. Саше четыре года, и это только первое наше с ним знакомство.



Летим. Почему именно в Вену? Нам было известно, что там происходило разделение публики на два «лагеря» – Израиль и Америку. Мы сразу же пошли в американский отсек. После короткого контроля нас разместили по автобусам и повезли в гостиницу.

Перед входом обшарпанного дома стоял «вышибала», медленно пропуская беспокойную толпу внутрь, громко и неправильно выкрикивая имена. А когда убедились, что все на месте, началась операция размещения по койкам, которая затянулась. Этот тяжёлый переломный день подходил к концу. Мы нанервничались, утомились и проголодались. Вышли, озираясь, на улицу, нашли забегаловку – наш первый венский «ресторан», заказали самое дешёвое – венские сосиски (хорошо ещё, что Додик смог объясниться по-немецки), поели, но денег, данных нам организацией помощи на первое время, не хватило, чтобы расплатиться и официант презрительно простил нам недостачу. Я была потеряна.

Стало ясно: надо вживаться и привыкать ко всему новому – языку, людям, их поведению. На каждом шагу неожиданности, задачи, принятие решений. Но одно уже принято – оно неоспоримо и безвозвратно. Мы здесь и у нас есть и будут силы начать этот сложный, нам неизвестный, как на Луну, путь.

В Вене мы пробыли десять дней. Наша гостиница стояла на окраине города возле великолепного парка, по тропинкам которого, среди вековых деревьев и цветочных кустов, разгуливали павлины, гордо и надменно помахивающие раскрытыми хвостами-веерами.

Много времени уходило на поездки в учреждения, ожидания в очередях, бесконечные вопросы и вопросы по оформлению очередной бумажки, подтверждающей твою личность. При выезде из России мы были лишены советского гражданства: противное чувство – быть никем!

Однажды опять пошли в парк смотреть на чудесных павлинов, и вдруг издали по тропинке приближается фигура в тёмном длинном пальто, с наклонённой на бок головой и руками за спиной. Фигура приближается, мы прячемся за кусты, – это Святослав Рихтер! Сегодня вечером у него концерт в Вене – первый его концерт, на который мы не сможем попасть, – и он совершает свою обычную прогулку.

Жизнь в гостинице протекала уныло, общение с жильцами относительное, на уровне: кто что продал и за сколько. Одним из светлейших событий стал приезд Раду Лупу с женой Лизой. Я училась вместе с Раду у Нейгаузов, а Додик с Лизой у Ростроповича. Мы ещё в Москве договорились встретиться на Западе, и вот они здесь! На такси мы вместе поехали в увеселительный парк «Пратер», и по пути Раду с Сашей перепели все увертюры Россини, а в парке перестреляли на всех аттракционах.

И вот настал день – едем в Италию: следующий пункт на пути к приближающейся мечте, – а мечта одна: поскорее получить визу и... в Америку!

Садимся в плацкартный вагон; «сидячка», но мы в купе одни, с Сашей, виолончелью и семью чемоданами. К вечеру Сашенька устал и заснул у нас на коленях, а мы настроились на бессонную ночь. Не знаю, сколько прошло времени, но, вдруг показался свет – это солнце восходило из-за огромной серо-зелёной стены, – это Альпы, которые мы видим впервые в жизни! Поезд кружил среди гор, ручьёв и замков, скрываясь в ущельях, потом снова и снова вырываясь на свет. А солнце восходило всё выше и выше; мы стояли у окна, зачарованные гигантской природой и гаммой разнообразия красок. Сашенька проснулся и, открыв рот, долго простоял с нами у окна.

Но вдруг, после обеда, около пяти часов поезд останавливается где-то посреди поля, нас всех выкидывают, чемоданы летят из окон – так надо, говорят, в целях безопасности... Опять рассаживают по автобусам – едем в Рим! (Осуществление вещей мечты!)

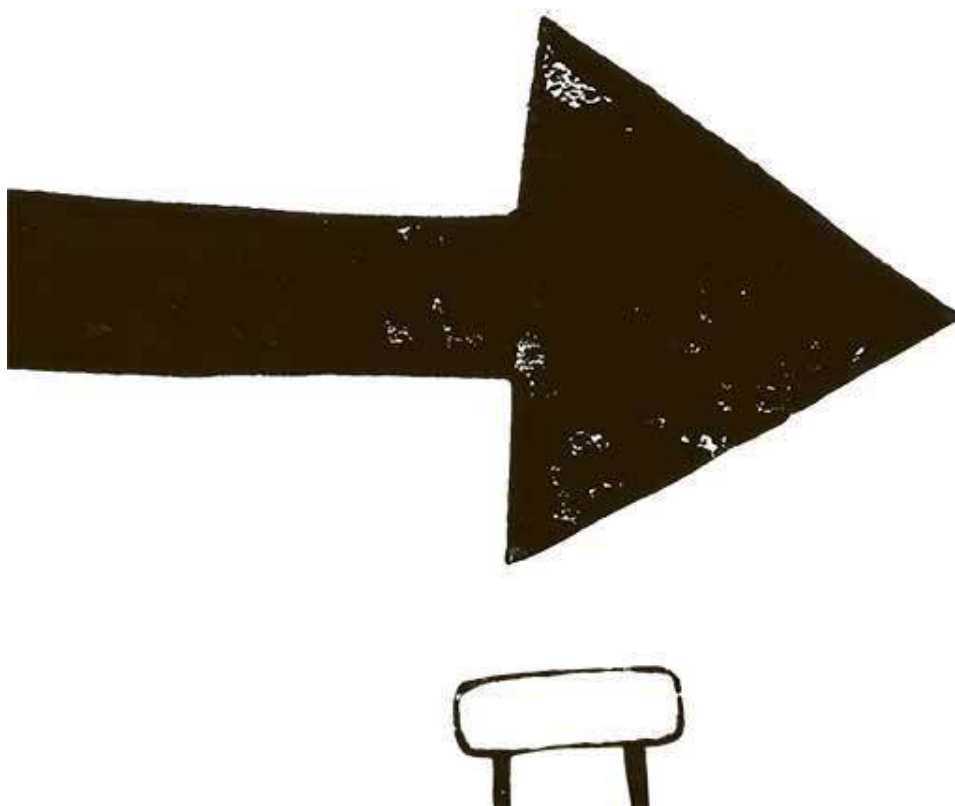
Гостиница ужасающая: тесно, душно, смрад, окна на улицу, а там – мотороллеров тьма, не заснуть. Хозяйка противная – ругается и есть не даёт. Чувство подавленности, и постоянный вопрос: «А правильно ли это?.. А не лучше бы было?..» Я борюсь с депрессией, а Додик и Сашенька – два оптимиста: у одного цель – поскорее встать на ноги, начать дышать, действовать, а у другого – мороженое.

В это же время в той же гостинице мы подружились с замечательными людьми, с которыми вместе эмигрировали. Среди них были и врачи, и музыканты, и адвокаты. Мы поддерживали друг друга и очень надеялись вместе оказаться в Америке, но судьба всё повернула по своему – мы остались в Европе (об этом позже).

С некоторыми из них нас связывает тесная дружба и по сей день.

Через несколько дней по прибытии в Рим нас вдруг разыскивает мой профессор – Станислав Нейгауз, вместе с Брижит Анжерер и Валерием Воскобойниковым, тоже бывшим учеником Нейгауза, который уже давно живёт в Риме, так как женат на итальянской пианистке Маризе Танцини. Они каким-то образом узнали телефон нашей гостиницы и приехали забрать меня на ужин – Додик трогательно отпустил меня, оставшись с Сашей.

Стасик (Станислав Нейгауз), красивая Брижит – в белом длинном платье с открытой спиной, с зачёсанными назад волнистыми волосами, с сигаретой в руке – так я буду помнить её всю жизнь...



Но сейчас мы в шикарном ресторане; я, как в воду опущенная, в эмиграции, в неловкости, не знаю, что выбрать – выбрали мне «песто», которое не поняла. Пес-то – это соус для спагетти, состоящий из базилика, кедровых орехов и оливкового масла – показался мне горьким, вкус базилика – непривычным; я сочла, что надо мной поиздевались; но, конечно же, нет: песто, особенно тогда, в 70-е годы, было абсолютным деликатесом.

Пошли провожать меня домой; Стасик поднялся со мной к двери гостиницы, на пятый этаж, и целый час простоял, проговорил, проплакал: «Таня, зачем вы уехали?», не выпуская моих рук...

По истечении десяти дней едем опять – в Остию, недалеко от Рима, на море, где проводим следующие три месяца в ожидании визы на Америку, а именно в Сан-Франциско! Почему не в Рио-де-Жанейро? Не знаю, звучит так же красиво!

Остия – небольшой город на побережье Тирренского моря, состоящий в основном из современных многоэтажных построек, скорее похожих на советские «хрущобы», чем на прекрасную Италию, где ведь только старина и история.

Место встречи вновь прибывших – почта. Там происходило всё: обмен информацией, сплетни, поиски квартиры, а главное – общение на уровне: «А ты что – на музыке играешь?»

Нам повезло – мы нашли комнату в центре города, на «крыше» одного из таких домов, у синьоры д'Оттави, пьяницы, мы видели её только с двухлитровой бутылкой в руках. Она разрешала нам пользоваться коридором, кухней и террасой в 105 квадратных метров, постоянно опалённой солнцем. Находиться там – значило расплавиться. Вся жара шла в 10-метровую, на трёх человек, комнату, завешанную жалюзи, и мы задыхались.

Додик умудрялся заниматься, а Саша терпеливо ждал мороженого при вечерней прогулке. Когда жара спадала, мы шли к морю или в парк покататься на карусели. Иногда нам было лень спускаться, и Додик с Сашей гоняли на террасе в футбол, и мяч неоднократно оказывался внизу, к неудовольствию прохожих, владельцев бара и нашей хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.